

Горошек и Золушка. Чешская народная сказка

В самой глубине Чехии, в одной деревне, жил мужик хуторянин. Женился он на богатой, но жена его оказалась такой лентяйкой, что дошли они до последней бедности, до горькой нужды. А при этой-то горькой нужде было у них семеро сыновей. Сыновья подросли, кончили школу и разбрелись по белу свету – дескать, чего нам дома оставаться!

– Ну, не хотите – уходите!

Шестеро сыновей ушли, а седьмой сын Гонза остался дома помогать по хозяйству. Мать с досады и с горя померла, и зажил мужик вдвоём с Гонзой. Из-за их бедности ни одна батрачка к ним не шла жить, – так что они сами всё делали. Была у них пара кобыл некованных, коровы были да несколько коз и овец. Как только земля показывалась, Гонза выгонял скотину на пастбище. Старик пахал, Гонза помогал. Так и шёл год за годом. В страду нанимали работницу. Для этого занимали деньги у еврея, а вместо процентов каждый день наливали ему кувшин парного молока.

Гонзе было уже двадцать два года. Каждое утро он выгонял скотину на луг, пускал её пастись, а сам убегал в лес по грибы. А отец тем временем пахал. В полдень старый Горошек разводил костёр, ставил на два камня глиняный горшок, варил грибную кашу и в золе пёк картошку. Гонза обедал с ним, а потом опять уходил в лес.

Как-то пошёл Гонза в лес и видит: на опушке девушка травы и ягоды собирает. Она заговорила с Гонзой, он пожаловался на свою бедность. С тех пор стала она ему часто встречаться; поговорят, бывало, и разойдутся, она – в чащу, он – на луг.

Вот однажды обедали отец с сыном в поле. Отец налил грибную кашу в деревянную миску, поставил её себе на колени, и они с Гонзой принялись за еду. Тут подходит к ним какая-то старуха, а с нею та самая девушка. Бабка просит мужика:

– Не дашь ли и мне поесть, батюшка?

– Таких много набегит! Ничего я вам не дам. Мне всё трудом достаётся.

А Гонзик говорит:

– Что же вы так серчаете, батюшка? Почему бы и не поделиться с ними? Вот вы хоть и трудитесь, а всё равно ничего у вас нет.

Встал он, да и подал этим женщинам горшок с кашей. Они уселись на меже, взяли в руки щепочки и всё до крошечки съели. Вот старик доел кашу, потянулся к золе за картошкой. Гонзик выгреб картошку, положил отцу в миску. Но в золе ещё много картошек осталось, он и отдал их старушке – пусть, мол, полакомится. Бабка с девушкой поели и говорят друг дружке:

– А молодому-то больше будет в делах удачи, – он не жадный.

Старик разозлился и улёгся на полосу клевера, где лошади паслись. Гонза пошёл к скотине на луг. Когда старик проснулся и снова взялся за плуг, Гонза был уже в лесу. Дома-то к ужину ничего нет, надо, думает, собрать ещё грибов. И столько попало ему хороших белых, сроду ещё такой удачи не было. «Ну, думает, сегодня мы сварим кашу погуще».

Солнышко уж склонялось к горе, старик допахал, накосил вики, навил её на телегу. А колёса-то тяжёлые: четыре цельных кругляша, от ствола отпиленных, только обручами схвачены. Скрипит телега на разные голоса. Пришёл Гонза, принёс мешок грибов, закинул горшок в клевер и погнал скотину домой. Задал кобылам корму, привязал коров, коз и овец в другом хлеву запер. Старый Горошек взял подойник и пошёл доить. Потом развёл огонь под таганком, на воле, и стал готовить ужин: картошку в золу положил, похлёбку варит, слил молоко из подойника в кадку. От всех коров собрал, а молока совсем мало – на донышке.

Теперь заходит к ним в горницу какая-то девушка с корзинкой за спиной, спрашивает, не нужна ли работница. Старый Горошек говорит:

– Рад бы взять тебя, милая, да ведь у нас никто не заживается, мы люди бедные, денег у нас нет.

Старику-то, понятно, хотелось, чтоб в доме была женщина. Ему надоело коров доить, а Гонза – и вовсе этого не умел. Гонза, как увидел дивчину, сейчас же узнал её – это и была та самая, с которой он разговаривал в лесу и которую угощал на поле грибной кашей. Только одета она была по-другому. Стал уговаривать отца:

– Найми! Нам работница нужна. Ведь мне уже двадцать два года, а хожу такой грязный, что все надо мною смеются. Каждый день таскаю эту солдатскую куртку. Всякий надо мной куражится.

– Ну, оставайся, но заплатить тебе сможем только после жатвы, когда уберём хлеб. Девушка с радостью согласилась.

– Жить, – говорит, – мне негде, и смерть меня не берёт, одно спасение – где-нибудь наняться.

Старый Горошек спрашивает:

– Как тебя звать?

– Мне и сказать стыдно, имя у меня больно грубое. – Да чего стесняешься, имя как имя. Ведь надо же тебя как-нибудь называть.

– Золушкой меня зовут.

Старик сдвинул шапку на затылок:

– Золушка, Золушка... Слыхивал я когда-то про Золушку... Та удачливая была, из ничего всего добилась.

Позвали они Золушку ужинать с ними. Она села рядом с Гонзой, и ему никогда ещё так вкусно не елось, как в этот раз.

После ужина она прибрала горницу, коровам и лошадям корм задала. Уселись на крылечке. Горошку покурить хочется, да и Гонзе тоже, а табака – ни крошки. Сидят головы повесили. Она и спроси:

– Чего это вы нахохлились, как мокрые куры?

Они старые трубочки свои знай повёртывают в руках, продувают. Золушка сорвалась и вскоре вернулась с большим узелком табака. Крошатка свежая, вот счастье-то! Оба задымили вовсю. Старик Горошек говорит ей:

– Будь у нас в доме полной хозяйкой. А Гонза поддакивает.

Посидели. Потом Гонза спрашивает:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Ну, где кто спать будет? У нас ни кровати, ни перинки, ничегошеньки нет!

Золушка говорит:

– Я лягу спать в хлеву, там соломы много. Пожелали друг другу доброй ночи, батрачка пошла в конюшню, мужики в горницу, легли у стола на лавку.

Старик снял куртку, улёгся на один бок, Гонза – на другой.

Утром старик вышел в сени, а там – полон ушат молока стоит. Коровы и козы уже подоены. Он и руки врозь – что такое? А Гонза говорит:

– Видите, батя, какое счастье к нам в дом пришло, теперь сможем кой–какой грошик отложить.

Вот приходит еврейка, принесла большую крынку:

– Сегодня налейте полную.

Старый Горошек не знает, как и взяться. Гонза зовёт:

– Ну–ка, новая хозяйка, налей ты.

Налила, а ничуть не заметно: в ушате словно и не убавилось. Старик с Гонзой просто не знают, куда девать молоко, так его много. Решили только вершки снимать. На потолке – кадушки, лоханки кучей свалены. Золушка перемыла их, выскребла. Доила два раза в день и ставила молоко в тепло.

Гонза только досадовал, что у неё такое имя нехорошее.

– Деревенские смеяться над нами будут. А она отвечает:

– Об этом не тужи, придёт время, будет у меня другое имя.

Так проходил день за днём. Гонза гонял скотину на выгон, старик пахал, а новая хозяйка всё по дому делала. Старик повеселел. И молока всё больше прибавлялось.

– Что, – дескать, – со сметаной–то делать будем?

– В субботу собью её, пусть в доме будет масло.

В субботу разыскала она старую маслбойку, выпарила её, и стали они втроём пахтать. Три раза пришлось ей в маслбойку сметану наливать! Промыла, сложила – масла полна кадушка! Старик просто в недоумение пришёл, глазам не верит.

Хватились, – а соли–то нет. Она достаёт из кармана монету, подаёт Гонзе – деньги какие–то не наши, он таких и не видывал никогда – и говорит:

– Сходи купи пять фунтов соли.

Гонза принёс, она тут же высыпала соль на стол, взяла топорик, потолкла её обушком. Взвесила масло – тридцать фунтов. Старик чуть с ума не сошёл – что только в доме творится! Снесла масло на погреб, чтоб застыло, а вечером, дескать, как отдохну, отнесу его в город, продам. Гонза взял мел, стал считать, сколько выручит, даже и сосчитать не смог.

– Теперь нужна мне корзинка, в чём понести.

Гонза сейчас же побежал, приволок травяную корзину. Старик за голову схватился:

– Да ты что, спятил, что ли, это ведь корзина травяная, а не для масла! Вот видишь, – говорит он Золушке,– у нашего Гонзы не все дома.

Та хохочет, а Гонза повернулся, схватил в сенях со шкафа лукошко и прямо вместе с наседкой притащил в горницу.

– Ну, это человек блажной! Не мучь уж его, а то он совсем очумеет, видишь – мечется, ровно угорелый. На чердаке висит корзинка, ещё от старухи осталась, сходи сама.

Но Гонза не мешкает, сам побежал на чердак, принёс корзинку. Золушка открыла её, а там полно мышиных гнёзд. Побежала во двор, в навозной жиже её вымыла, на речке выполоскала и несёт в горницу чистую корзинку.

– Теперь, – дескать, – дайте мне под масло лоскут чистого миткаля.

– Да что ты, милая, какой там у нас миткаль. Рубашек и тех нет. С тех пор как старуха померла, в доме белья ни ниточки не осталось.

Золушка завернулась, никому ни слова не сказала и мигом принесла подмышкой свёрток белого миткаля. Оторвала три куса, чтоб масло завернуть, остаток убрала.

А Гонза наш так и вьётся вокруг Золушки:

– Не откажи, – говорит, – сшей мне из этого куса рубашку в воскресенье погулять. Ведь все парни рубашки носят и смеются надо мной, что у меня даже и рубашки нет.

– Ладно, ладно, вот погоди, продам масло, что–нибудь уж тебе сварганю.

Под вечер отправилась она в город, а через час ворочается и высыпает на стол кучу грошей. Старый Горошек чуть не рехнулся. Столько денег! Хочет отдать Золушке за миткаль–то, а та не берёт:

– Не надо, не надо, после отдадите, когда побогаче будете.

А в тот вечер, когда Золушка ушла в город, приковыляла к их дому какая–то старушка:

– Пустите, люди добрые, переночевать. Может, и хлеба кусочек подадите, не ела ничего.

А старый Горошек, с тех пор как заимел ловкую работницу, которая умела из всякой беды его вывести, уж не ворчал, как бывало раньше.

– Гонзик, дай ей чего–нибудь поесть, небось с голоду не помрём, обойдёмся.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И старушка немедля вошла в их дом, да так смело, как будто всю жизнь у них жила, всё знает, куда как идти.

– А чья же вы будете, откуда?

– Я Золушки вашей бабушка.

– А, вот что, – говорит Горошек. – Ну, она девушка толковая, сноровистая, а как за работу берётся, всё у неё спорится, хотелось бы мне, чтоб сын с нею обручился. Я–то за женой получил тысячи несметные, да что толку, глупа она была и ленива, всё прахом пошло. Так что если бы только Золушка с моим Гонзой обручилась, – уж как бы я рад был!

Бабушка за это так и ухватилась:

– Я не против, не против.

Через час пришла Золушка, высыпала на стол деньги, старик чуть не сбесился от радости. Ну, ладно. Вот Золушка и говорит:

– Завтра воскресенье, надо к завтраму сшить рубашки.

Зажгла плошку, Гонзу посадила из миткаля нитки дёргать. Это по бедности так делают! Он нашёл в окне три ржавые иголки, почистил их золой, и бабка с девкой уселись шить, торопятся как сумасшедшие. Мужики уж давно уснули, а они всё шьют да шьют. Утром отец с сыном проснулись, – возле каждого лежит по рубашке с завязочками – это тесёмки такие, их в дырочки продергивают и завязывают.

Старик говорит:

– Золушка, свари что–нибудь на завтрак, а мы с Гонзой пока сходим травы накосим, на межах много её осталось. Эта неделя удачная была,– хочу сегодня справить воскресенье, пахать не поеду.

Вернулись мужики с поля, их ждал горшок кофе. Старый Горошек не пил его с тех пор, как жена померла.

– А хлеба–то у нас нет!

– Об этом не беспокойтесь, – говорит бабка, – и высыпает из передника на стол кучу плюшек с маком. Горошек уж сколько лет во рту крошки ситного не имел, а Гонза и подавно. Уписывали их с таким смаком, что глаза на лоб лезли. Старик всё спрашивает у Золушки, откуда она на всё деньги берёт.

– Об этом не беспокойтесь, это моя забота, а вы кушайте и пейте, и ты, Гонзичек, тоже кушай.

Наелись наши Горошки до отвалу. Теперь Гонза и говорит:

– В восемь часов начнётся ранняя обедня, она не долгая. Были бы у меня штаны хорошие, безрукавочка, да свитавская куртка, пошёл бы и я к ранней.

Времени семь часов. Золушка шмыг в дверь, и не успели опомниться, как она несёт хорошие кожаные штаны, красную безрукавку с большими пуговицами, чёрную широкую шляпу, красный шейный платочек и красивую шерстяную свитавскую куртку. Это в старину так одевались, нынче этого уже не носят. Гонза нарядился.

– Теперь, – говорит, – пойду к ранней. А сам всё возле Золушки вертится.

– Что это ты, – дескать,– всё ко мне жмёшься?

– Переоденься и пойдёшь со мною.

Золушка только и ждала, чтобы он её пригласил, повернулась и в минуту принарядилась, взяла в руки какую–то книжку, обёрнутую в белый платочек.

– Ну, пойдём, – говорит Гонзику.

Пошли вместе через всю деревню до самого города, до костёла. Никто их и не узнал, глазают из всех окон: «Какая красивая парочка! Да кто же этот рослый молодец?

Какая такая нарядная барышня рядом по левую руку выступает?» Обгоняют их, в лицо заглядывают:

– Да это молодой Горошек с молодой хозяйкою.

А Гонза чинно так вышагивает и весело дымит своею трубочкой. Подошли к костёлу, – сунул трубку в карман, снял шляпу, вошёл и стал в толпе, среди других мужчин. Золушка осталась на паперти.

Почему она не вошла вместе с ним? А вот почему: злые волшебницы украли её у матери, когда она ещё не была окрещена, и зачаровали. Вот отчего ей и нельзя переступить порог костёла. Такую диво бабу можно узнать по тому, что она никогда не танцует весь круг, а только полкруга.

Гонзе отец сказал, чтоб насильно Золушку не тянул и что это дело после можно поправить.

Служба окончилась. Гонза вышел. Было у него в кармане несколько грошей, зашёл с Золушкой в трактир. Степенно, как старый, выступает, велел налить себе кружку пива, а для Золушки бутылку вина заказал. Закусили кое–чем, он заплатил пять грошей, и весело отправились домой. Вокруг Золушки уж много молодых вертелось, похваливали её – мол, как вы одеты к лицу, и всякие такие слова, так что на обратном пути Гонза вел её за руку, чтобы не отбил кто.

Вернулись домой, а там уже еда приготовлена, ситный хлеб. К обеду, дескать, будет мясное. Старушка говорит:

– Я всё могу кушать, кроме одной только свинины. Дивьям бабам этого нельзя, они до свинины и не дотрагиваются.

Горошек дал Гонзе денег, послал его купить говядины. Всем так и манилось поесть убоинки – ведь с тех пор, как в прошлом году издохла у них старая коза, они мяса и не нюхали. Как принёс Гонза говядину, сейчас же сварили её на воле, в печурке из необожжённых кирпичей. Пообедали, прибрались, Золушка принесла табака, старый Горошек закурил свою трубочку и чинно повёл бабушку по своим полям. Покуривает и рассказывает ей, сколько горя натерпелся через свою ленивую жену, как трудился всю свою жизнь, как убежали от него шестеро сыновей и только один Гонза остался ему утешением, мыкает с ним вместе горе и нужду.

– Если Гонза на толковой девушке женится, передам ему весь хутор. Пусть только долг еврею выплатит.

Осматривает он свои поля, видит: рожь уже поспевает. Что ж теперь делать? Бесплатно никто не пойдёт подсоблять, а залезать в новые

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

долги неохота.

Старуха и говорит ему:

– Ты, Горошек, не тужи, ни о чём не печалься, нынешний год хорошо со жнитвом управишься. Отбей косы, а завтра весело за работу примемся.

Горошек отбил косы и говорит:

– Вы, бабы, наготовьте на завтра еды, пышек каких-нибудь, лепёшек, а я пойду искать помочанок, в горсти укладывать.

А старая ему:

– Не ходи, я одна за двух управлюсь.

«Мыслимо ли дело, – думает Горошек, – это дело невозможное». А в поле увидал, что и впрямь она за двоих поспевала. Гонза пошёл передом, а старик приотстал сзади, чтоб на конце ряда им разойтись, пятки не подрезать. Вот Гонзик косит, прокосил ряд, а старуха уже всё за ним подобрала, идёт подбирать за стариком. Старик дошёл до конца, наточил косу брусом, начал новый ряд, кусок прошёл, оглянулся – а за ним какая-то красивая молодайка подбирает. «Ладно, думает, подбирай, подбирай, накормлю тебя за это». С часок косили они так, старик прошёл конец, поглядел:

– Эге, как оно у нас нынешний год быстро идёт, просто удивление! И зыбки ныне какие толстые!

Это у нас, когда рожь подбирают, такими горстями укладывают, вроде люльки, в какой детей качают: так и называются – зыбки.

Гонзик разошёлся по своему ряду, размахался, вдруг видит перед собою двух молодаяк: одна косит, другая подбирает. И вспомнил свою Золушку:

– Эх, принесла бы она сейчас девятку! Девятка – это? завтрак в девять часов.

И только он подумал, а их молодая хозяйшка Золушка тут как тут, несёт большой жбан питья, полную корзинку хлеба и зовёт:

– Батюшка, Гонзичек, завтракать! И все, кто тут есть, идите.

Гонза воткнул свою косу в землю, а старик свою в рожь закинул и бегут, радуются, что молодая хозяйка принесла девятку. И эти три новые молодайки притиснулись, старик их и не знает, кто такие, но ни слова не сказал, рад был тому, что подсобили. Взял большую лепёшку, поделил всем на равные доли, съели всё под метёлочку.

Встал Горошек и не вспомнит, где косу оставил, так наелся и напился. Впервые за свою жизнь в уме маленько тронулся. Он рассчитывал, что рожь будут косить три дня, а тут к обеду всё поле кончили. У него просто ум за разум зашёл – растерялся от радости. Теперь смотрит – дождь собирается. Он затужил:

– Эх, вымокнет! Такая нынче рожь прекрасная, её больше ста крестцов будет. Жалко её в поле оставлять!

А что у него соломы нет, перевясла не из чего сделать, он и позабыл. Его плохонькая тележка никуда не годилась, сбегал в деревню, занял у зятя две телеги. Тут только и хватился:

– А перевясла-то! Перевясел нет! А бабушка говорит:

– Ничего! Не успеешь опомниться, перевясла будут сделаны!

Пошла, отворила ворота риги, выбросила несколько охапок соломы и навила перевясла. А эти три бабёнки после полудня исчезли, шут их знает куда девались! Зовёт мужик Золушку, чтобы шла помогать. А как приехал он в поле, там уже два ряда снопов связано. Гонзик с Золушкой принялись носить снопы, на телегу укладывать. Старик грядки налаживает. Наложили огромный воз и поехали напрямик через все межи, нигде не зацепили, не перевернули. Старик на передке сидит, Гонза сзади бежит, поддерживает. Укладывают в ригу, старик толкует:

– Две бабы не справятся, надо ещё принанять.

Да где уж теперь искать работниц, поехали обратно в поле, а там уже всё связано! Старик за голову схватился, а Золушка кричит:

– Живей, живей, пошевеливайтесь, к вечеру дождь пойдёт, как бы не промокло у нас!

К вечеру всё благополучно убрали, никто даже и поесть не успел. Теперь-то уж все проголодались. Золушка говорит:

– Сегодня, мужики, мы вам ужин сварим получше. Сварила новомодный кофе, принесла каравай, комок масла в полфунта. Старику это всё по вкусу, уплетает за обе щеки. Гонза тоже. Он и говорит:

– Эх, всю бы жизнь так! И чтоб в работе всегда был такой порядок.

А Золушка отвечает:

– Если будешь умницей, ни о чём не будешь спрашивать, любопытничать, так оно и будет. Только с вопросами не приставай. Не будь настырным.

Утром старик приходит с поля, от радости руки потирает:

– Ну, ребятки, пшеница поспела! И хороша же уродилась! Вдвое больше будет, чем в те годы. Да одно плохо – погода ненадёжная, так на дождь и тянет, быстрее надо убрать, а косарей-то, косарей где взять?

– Да вы бросьте, не тужите об этом, – говорит Золушка, – всё уберём вовремя.

Весь день косили пшеницу, харчей много было, ели-пили досыта, хорошо выкосили. Старик от радости себя не помнил, как всё ладно получается и сколько пришло дешёвых работниц, за здорово живёшь помогают. Опять те же молодайки, что рожь косили. Любопытно ему: кто они такие? Просит Гонзу:

– Спроси, – дескать, – у Золушки, где она их наняла.

А Золушка в ответ:

– Передай отцу, чтоб никогда ни о чём не спрашивал. Дело идёт, довольно с него и этого.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Старик больше и не стал испытывать, ему–то что до этого – ведь платила–то им Золушка. Пшеницы собрали двести крестцов, это по старому счёту, тогда ещё в крестце было шестнадцать снопов. До вечера всё убрали, свезли. Каждый день сытно ели, всякий раз что–нибудь иное – такой в старину был крестьянский обычай. И старый Горошек доволен был. Ведь он, как наестся да напьётся, всегда весёлый.

Немного погода и ячмень созрел. И рожь и пшеница хорошо уродились, а ячмень–то и того удачнее. И убрали его тоже хорошо. Всего много. Старая большая рига полным–полна. А овёс куда девать? Горох? Стало быть, молотить надо.

Старый Горошек чешет в затылке:

– Где же молотильщиков–то взять? А Золушка ему сейчас же:

– Об этом не тужите! Обмолотим.

– Ну, если так, ладно.

Старик приготовил несколько цепов, связал крепкими верёвками, стал с Гонзой на ток. Начали они в два цепа бить, ну, это лад невесёлый! Вдруг видят: откуда ни возьмись, встали с ними две девушки, и пошло так это ладно, в четыре удара: с пи р–р о–г а–ми, с пи р–р о гг а–м и, р р а–т а–т а–т а. Ну, такой лад старику по сердцу. Золушка с бабушкой за это время приготовили хороший завтрак. В девять часов Золушка вышла на крыльцо, зовёт:

– Гонза, батюшка, идите сюда! И тех двоих женщин зовите.

Подали на стол хлеба, сыру и пива каждому, кто сколько хотел. Старый поел в охотку и опять помчался молотить. Семьдесят пять лет старику, а ещё не хворый, дюжий – видно, грибная каша на пользу ему шла. Отмолотился за несколько дней, о харчах не заботился, всё ему было готовенькое. Первым делом насыпал мешок зерна:

– На, Гонза, свези в город, продай, хозяйшке нашей заплатим, девушка хорошая, надо ей отдать, расплатиться.

Старик зерно провеял, на ветру очистил. Сколько было крестцов, столько вышло и четвериков. Всё рассчитал, что куда. Сто мешков продал. Пекарь заплатил ему за мешок на пятьдесят грошей больше, чем прочим, – такое хорошее зерно было.

Стал Горошек с Золушкой рассчитывать.

– Сколько ты истратила?

– Нет, нет, ничего мне не надо, это я всё любя угощала вас. Прошу у вас только одно вознаграждение.

– Какое же?

– Гонзика!

«Эге, думает, вода на мою мельницу!»

– От всей души буду рад! Ты, девка, мне полюбилась. Бери его себе! У меня все неудачи да горе было, а вам, видно, повезёт.

Она уже пятую неделю у них жила. А Старостин Антонин уж пронюхал обо всём и завидовал Гонзе, – уж больно хороша девка–то. Заподумывал, как бы отбить её.

Зерно продали удачно, покончили с этим делом, вот Гонзик и говорит:

– Что это как мы спим нехорошо, на лавках валяемся – ни кроватей у нас, ни перин.

Сильно огорчился этим. А старый Горошек ему:

– Эх, сынок! Да где же нам сразу столько пера набрать? Во дворе две–три курицы кудахчут, гусей и в помине не осталось.

Старая бабушка их слушает:

– Да ты, Гонзик, насыпь зерна во дворе! Слышишь, за деревней гуси гогочут, большая стая; мы их ощиплем, вот и будет перо.

Не успела слова вымолвить, Гонзик уже бежит, влез на амбар, сыплет зерно и кличет:

– Тега, тега, тега!

Поднялось гусей с пруда несметное множество, прилетели во двор и ну клевать. А бабушка говорит:

– Отвори ворота риги.

Гонза отворил, бабушка пошла в ригу, а гуси все за ней. Золушка с бабушкой и давай ощипывать их одного за другим – пощиплют и отпустят на волю. Большую кучу перьев нащипали. Старик надивиться не может:

– Вот так чудо! Ну и бабы!

– Это, – дескать,– батюшка, ничего! Что скажете, всё сделаем.

Как выпустили с колен последнего гуся, старика опять забота берёт – где взять чехлы да наволоки. Бабушка недолго думала, после обеда отправилась в город и принесла оттуда подмышкой свёрток печатного ситцу. Нашили чехлов. Перо с диких гусей мелкое – оно не дерёт. Сделали шесть перин на две большие кровати. Гонза просит:

– Батюшка! Приведите в порядок те две кровати, что на чердаке валяются, поставим их!

Горошек взял горбыли, починил кровати. Золушка обтерла их, настелила горой под самый потолок. Старик рад – надоело и ему на жёсткой лавке лежать.

Вечером им уж не терпится – каково будет на новых постелях спать. Старик лёг на одну, Гонза – на другую, и Золушку к себе взял. Целовались до самого утра. Баловался он с ней, конечно, тут смеяться нечему – люди живые. Опьянел парень от счастья, Золушка стала для него ещё краше. И она разгорелась, как огонь, ведь ни с кем ещё не любилась.

В деревне староста тоже собрал богатый урожай и объявил, что будет праздновать славные дожинки. И молодых и старых, и бедных и богатых – всех пригласил на свой двор; еду ставил он, а пиво, вино – гости. Его Антонину приглянулась Золушка, я уже про это

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

рассказывал, так что позвали и Гонзика, да и Золушку тоже. А собирались на дожинки после вечерни, в третьем часу.

Золушка обо всём об этом ничего не знала. Так вот, когда пообедали, Гонза и говорит ей:

– Слышь–ка, нам с тобой надо собираться на гулянку к старосте. Там будут славные дожинки.

Золушка согласна.

– Отчего ж не пойти? Одна я не пошла бы, но раз идёшь ты, пойду и я. Но и ты без меня не ходи никуда. Если будем друг без дружки куда собираться, погубим наше счастье.

Гонзик умылся, переоделся, нарядился, вычистил хорошенько свою пенковую трубку, чтобы блестела; Золушка тоже собралась, взялись они за руки и пришли к старосте на двор чуть не первые.

А за столом под могучею липой уже сидит кое–кто из соседей. Они сейчас же весело поздоровались с Гонзиком, наперёд угостили его пивом и молодой его хозяйшке улыбаются; ведь нет в деревне ей ровни – такая красавица. Тотчас усадили их за стол.

– Ну вы, Горошки, нынешний год сильно поправились хозяйством. Какие толстые зыбки–то собрали, таких и старики не упомнят.

Пришли музыканты с шарманкой, со скрипкой, с цитрой, заиграли как водится. Молодёжь сбежалась после вечерни. Первым пошёл в круг Старостин сынок, схватил Золушку, протанцевал с нею три танца и весь вспотел. «Запарился, больше, говорит, не пойду с ней плясать» – так она его загоняла. Отец видел это и говорит:

– Садись, Тонда! Тебе за этой дивчиной не угнаться. Был там ещё один Войнар, бывалый такой парень. Этот тоже поглядел и думает: «Ну, меня–то ей не перегнать, зря, что ли, я четырнадцать лет в солдатах прослужил, я–то с ней справлюсь». Подошел к Гонзику и просит его:

– Разрешите протанцевать разочек с вашей Золушкой. – Да иди, – мол, – пляши.

Войнар поклонился, и она пошла с ним. Протанцевал с нею один круг да так запыхался, что еле жив остался. Все лучшие танцоры по очереди плясали с нею и все чуть не задохнулись. Теперь приступили к Гонзе:

– Иди и ты в круг!

А он отбивается.

– Я, – говорит, – не умею.

Наелся там Гонза, напился как следует, и хозяйшка тоже. Остались до самого вечера. Потом Гонза поблагодарил, заплатил за пиво, сколько с него причиталось, и отправился с хозяйшкой домой. Отец спрашивает их, как погуляли, Гонзик похваливает да смеётся:

– Сроду я так не веселился!

Старик всё боялся, как бы кто не отбил у сына девушку: ведь руки у неё и впрямь золотые. Решил сегодня же покончить с этим делом. Как только прибрали всё в хлеву и на дворе, старый Горошек говорит:

– Пойдите–ка сюда. Надобно и вот о чём подумать: не пора ли вам пожениться?

Золушка тотчас поцеловала ему руку и прямо безо всяких сказала, что хочет стать Гонзовой женой.

Батя тут же отправился к священнику и рассказывает ему, какая штука у них смололась. А тот ему в ответ:

– Эта девушка у вас, как видно, не простая, но я сделаю что нужно и обвенчаю их.

Назавтра Горошек говорит Гонзику:

– Ну–ка, дети, ступайте к священнику писать протокол, чтобы вас огласили. Я уж стар, вы меня кормить будете, а хозяйство, всё как есть, вам передаю.

Пошли они к священнику. Он тотчас вышел к ним и говорит:

– Раньше чем быть свадьбе, вас нужно окрестить. Вы, Золушка, от обыкновенных людей, как и все, но некрещеная. А то ведь коснётся дела, вы из церкви–то сбежите!

– Да, да, я это знаю. Дивья баба украла меня у моей матушки до шести недель.

В крёстные пошла одна тётка из деревни. Дали Золушке новое имя – Кристина, а через три недели их повенчали. Свадьбу сыграли богатую, такой и старики не помнили. Всегда во всём была им удача, и славно прожили они на этом хуторе до самой смерти.